

29 ИЮН 1955

Когда на творческих встречах ему задают ставший уже привычным вопрос о том, как он работает над ролью, Сергей Ильин отвечает, не задумываясь: «Просто учу слова. А потом выхожу на сцену, и... я не играю, я просто представляю себя на месте героя и поступаю так, как, мне кажется, мог поступить бы он». И это действительно так. Само понятие «игры» кажется чуждым его творческой природе, основополагающий стержень которой актерская интуиция.

Актеры знают, какой титанический труд предшествует «попаданию в образ», знают цену этой самой интуиции. Можно выучить текст, уяснить сверхзадачу спектакля и сверхзадачу образа, досконально разобраться в причинах поступков своего героя, своевременно отвечать на реплики партнеров и подавать свои, а «попадания» не получится. И тогда в ход пойдет всемогущее оправдание неудачи: это не моя роль. Все роли, над которыми работает С. Першаков, его: комедийные и драматические, маленькие и большие. Единственно, чем он бывает недоволен своим персонажем, так это недостатком драматургического материала, когда негде развернуться в полную мощь. Но и тогда, поборов недовольство, выходит на сцену и начинает... жить в спектакле, сам себе порой удивляясь: «Я не знаю, как это происходит».

Сергей Ильин крайне редко бывает полностью удовлетворен тем, что делает на сцене. Судит себя строго и беспристрастно за ошибки, зачастую видные лишь ему одному. Зато и удачам радуется безудержно, почти по-мальчишески.

Было это совсем недавно здесь, в Тагиле, после очередного спектакля «Здравствуйте, люди» В. Шукшина. «Аплодировали в пяти местах!» — радостно констатировал он. Однако радовался Першаков не только и не столькоapplaudimentам, сколько тому, что им предшествовало — своей работе в этот вечер. «Я нашел, наконец, как надо играть Шукшина!»

Казалось, что еще можно прибавить к созданному им характеру заворожившегося завхоза Тимофея Худякова? Пьяный, кающийся Тимофей — Першаков и без того пользовался немальным успехом у зрителя. Но глубина созданного образа артиста не устраивала. И он намеренно усложнил свою задачу.

Предельно уменьшив в первых двух эпизодах степень опьянения своего героя, он взамен этого усилил тоску Тимофея от бездарно прожитой жизни. И вся сцена зазвучала совершенно по-иному. Если раньше тоска завхоза была как бы следствием алкогольного опьянения, то теперь становилось ясно, что Тимофей напился для того, чтобы укрыться от этой самой тоски. И мы увидели на сцене человека, который сам испортил себе жизнь и бессилен теперь ее изменить. «Жаль только, нет возможности закрепить то, что я сегодня делал. Вот если бы было два спектакля подряд... Боюсь, в следующий раз так может не полу-

читься — я каждый раз играю по-другому». Эту счастливую возможность «играть по-другому», чувствовать себя свободным в рамках образа, поставленной задачи, текста и закрепленных мизансцен дает Першакову его актерская интуиция. Иначе говоря, талант.

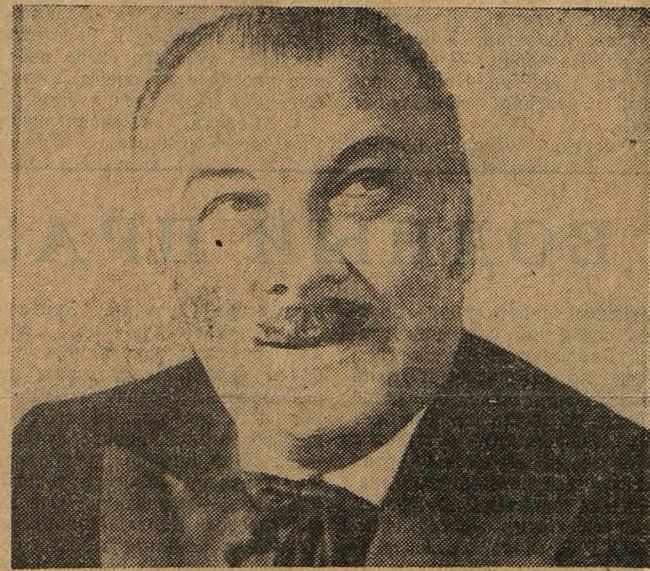
Рассматривая грани творческого дарования артиста, нельзя не остановиться на его незаурядной способности к внешнему перевоплощению. Поставьте рядом полного, лысого, к тому же пьяного Тимофея Худякова и стройного, подтянутого, обаятельного господина Телятева из комедии А. Островского «Бешенные деньги», и вы воочию убедитесь в этом.

Тагильчане, наверное, помнят еще спектакль «Бешенные деньги» в постановке своего театра, где Першаков играл роль Василькова. И потому им, вероятно, небезинтересно было увидеть его Ивана Телятева — представителя столичной армии беспечных прожигателей жизни — из тех, что в погоне за наслаждениями лихо сорят «бешеными деньгами», мастерски умеют занять их и потратить, однако заработать сами не умеют и не желают. Однако если исходить только из этого, Телятева можно сыграть этаким легкомысленным ветеринаром, для которого даже позорная перспектива отсидеть в долготяме — пустяк, мелкая неприятность. Но играть очевидное, то, что лежит на поверхности, Першакову неинтересно. И он привносит в создаваемый им образ свой нюанс — его Телятев... искренне любит Василькова, восхищается его деловой сметкой, радуется его успехам, утешает в горе, помогает вернуть впадающую в грех продажности Лидию. Телятев — Першаков, несмотря на свою внешнюю беспечность, — очень неглупый человек, отчетливо сознавший вопиющую бессмыслицу своего существования и этим мучающийся. Глубоко запрятанное под маской веселой изысканности страдание прорывается в горечи тона в репликах, которыми он характеризует жизнь свою и себе подобных.

В неаполитанской комедии Д. Скарнации и Р. Тарабузи «Моя профессия — синьор из высшего общества» С. И. Першаков исполняет главную роль — талантливого и неуважающего безработного Леониды Папагатто, чья неистощимая фантазия изобрела ему такую уникальную профессию: синьор из высшего общества. И вот профессия заставляет Леониду выступить в роли некоего Полковника, основателя благотворительного комитета. Полковник Леонида попадает в не предусмотренные им глупейшие

Гастрольное лето

И КАЖДЫЙ РАЗ ПО-НОВОМУ

Имя заслуженного артиста РСФСР Сергея Ильича Першакова хорошо знакомо тагильчанам: ведь восемь лет его творческой жизни прошли в Нижнем Тагиле — в драматическом театре имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Помнят здесь и роли, сыгранные Першаковым: Борис Годунов в драме «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого, Кости в «Аристократах» Н. Погодина, Стенли в «Трамвае желаний» Т. Уильямса, Петруччио в комедии «Награда женщины» Д. Флетчера, многие другие. Через пять лет на спектаклях Алтайского краевого театра драмы тагильчане вновь встретились с артистом, увидели его новые работы. О них и пойдет речь.

Ситуации, в которых он и сам как бы глупеет и вынужден вести себя отнюдь не лучшим образом. Не боясь быть смешным, Леонида — Першаков в то же время заставляет зрителя уважать своего героя даже в самых унизительных для того ситуациях.

Сохранить достоинство Леонида Першакову помогает постоянное осознание им перспективы образа. Не будь этого осознания, неубедительным было бы явление зрителю в третьем акте подлинного Леонида, с облегчениембросившего с себя лицуну Полковника — и не только мундир, но и настроение, интонацию, пластику, ритм. Вот где наиболее полно раскрывается вышеупомянутая способность артиста к перевоплощению! Перед нами усталый, грустный человек, с частью доведшей до победного конца замысловатое дело, им же начатое. Однако огромная сумма заработанных денег не радует его. Отчасти потому, что Леонида — Першаков — настоящий артист и процесс творчества для него неизмеримо важнее и радостнее материального результата.

Образ бывшего храброго партизана, потом отличного тракториста, а ныне — плохого руководителя колхоза складывается по ходу спектакля «Превышение власти» (пьеса В. Черных) из реплик других персонажей. И когда Воронин — Першаков, наконец, сам выходит ча сцену, оказывается, что он именно таков, каким можно было себе его представить: мощный, упрямый, нарочито грубый человек, не желающий признавать другого мнения, кроме собственного, даже если признает, что оно в корне неверно. Тип явно отрицательный, однако благодаря неоднозначному отношению артиста к сценическому герою, глубокому исследованию его характера и поступков, зрителю тоже начинает воспринимать Воронина — Першакова неоднозначно: не только осуждает заблудившегося в дебрях своего крутого характера председателя, но и сожалеет о нездавшейся судьбе этого недюжинного человека, сочувствует его неразделенной любви к агроному Кулагиной.

Среди ролей, сыгранных С. И. Першаковым на сцене Алтайского краевого театра драмы — а их более десяти, можно назвать еще ряд серьезных работ драматического характера. Это Семенов в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся» А. Гельмана, Есюнин в «Гнезде глухаря» В. Розова, Морозко в «Разгроме» А. Фадеева, Самарин в премьере сезона «Равняется четырем Франциям» А. Мишарина и другие.

Впереди новый театральный сезон. Тридцать первый по счету в творческой судьбе заслуженного артиста РСФСР С. И. Першакова. Пусть он принесет актеру новые успехи.

Е. РЯБОВА,
заведующая литературной частью Алтайского краевого театра драмы.

На снимке: заслуженный артист РСФСР С. Першаков в роли Леонида Папагатто в комедии «Моя профессия — синьор из высшего общества».

Фото Б. Дурнева.